

СВОБОДА И КОНФОРМИЗМ В ОБЩЕСТВЕ ПОСТМОДЕРНА

К.В. Воробьева

Ассистент кафедры философии

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15,

E-mail: christine.viktorovne@gmail.com

Свобода в буржуазном обществе часто понимается как «негативная» свобода, как «возможность». Её необходимо отличать от «позитивной» свободы, которую можно проиллюстрировать концепцией «осуществления» Ч. Тэйлора. В условиях капиталистической системы «негативная» свобода зачастую ведет к конформизму, который представляет собой значительное препятствие для достижения «позитивной» свободы. В статье анализируются различные социальные причины конформизма, подчеркивается связь между противоречиями капитализма и конформным поведением индивида. С наступлением эпохи постмодерна данные тенденции усиливаются, что приводит к демонстративному нонконформизму, за которым скрывается расстерянность и отсутствие собственной позиции. Это обстоятельство еще сильнее увеличивает существующий разрыв между «негативной» и «позитивной» свободой.

Ключевые слова: конформизм, нонконформизм, негативная свобода, позитивная свобода, общество постмодерна

В капиталистическом обществе свобода занимает центральное место в системе ценностей. Буржуазная социально-философская и политическая мысль берет в качестве основы гоббсовское понимание свободного человека как субъекта, который в любой ситуации может действовать так, как посчитает нужным, и не встречает на своем пути непреодолимых препятствий. Конечно, субъект всегда находится в социуме и в силу этого сталкивается с определенными внешними ограничениями в виде правовых норм, необходимых для обеспечения безопасности и общественного порядка, но эти ограничения не стесняют его свободу, а, наоборот, являются условием ее осуществления. В указанной связи уместно процитировать Алексиса де Токвиля, который выразился следующим образом: «Каждый человек получил от природы разум, необходимый ему для устройства своей жизни, и от рождения имеет неотъемлемое право жить независимо от себе подобных во всем, что касается только его, и решать свою судьбу по своему усмотрению» [1, с. 16].

Подобный подход, как видим, не предусматривает каких-либо внутренних преград для реализации индивидуальной свободы. Уязвимость такой трактовки свободы показал Т. Гоббс. Его перу принадлежит ироническое замечание: «Если человек из страха, что корабль потонет, бросает свои вещи в море, то он тем не менее делает это вполне добровольно и может воздержаться от этого, если пожелает» [2, с. 205]. В этом контексте обсуждается «негативная» свобода, которую И. Берлин определяет как «очерчивание границ», т.е. как автономию и невмешательство [3]. Негативная свобода – это, прежде всего, индивидуальная «свобода от», её следует отличать от позитивно понятой свободы как «свободы для». Ч. Тэйлор предлагает более точное определение, подчеркивая, что негативную свободу можно рассматривать как концепцию «возможности», тогда как позитивную – как «осуществление»: «человек свободен лишь до той степени, до какой эффективно самоопределяется и строит свою жизнь» [4].

Современные демократические государства стремятся гарантировать свободу своим гражданам путем установления правовых норм и обеспечения их реализации. Но это свобода в рамках капитализма. Еще в середине XX века Э. Фромм заметил, что индивид в современном обществе «стал свободен от внешних оков, мешающих поступать в соответствии с собственными мыслями и желаниями. Он мог бы свободно действовать по своей воле, если бы знал, чего он хочет, что думает и чувствует» [5, с. 259]. Однако, на самом деле «... он этого не знает; он приспосабливается к анонимной власти и усваивает такое "я", которое не составляет его сущности» [5, с. 259]. Таким образом, Э. Фромм констатирует, что современное капиталистическое общество – это столь жесткая система, что она принуждает человека к конформизму, т.е. к «некритическому принятию индивидом существующего порядка вещей, приспособлению к нему, отказу от выработки собственной позиции, пассивному следованию преобладающему образу мыслей и типу поведения, общесоциальным или групповым стандартам и стереотипам» [6].

Конформизм, по мнению Э. Фромма, является одним из механизмов «бегства от свободы» и служит существенным препятствием для осуществления позитивной свободы. Эта невидимая внутренняя преграда зачастую ускользает от внимания либеральных теоретиков, т.к. противоречит их общему апологетическому настрою по отношению к капитализму. Возможность для свободной деятельности, предоставляемая современным законодательством большинства развитых стран мира, является, в сущности, абстрактной, поскольку условия для реализации свободы фактически отсутствуют или крайне недостаточны. В связи с этим необходимо рассмотреть конформизм не только со стороны психологических механизмов его возникновения, но и с позиции социальной философии. Это означает, что нужно

выявить те условия и особенности современной социальной действительности, которые способствуют формированию приспособленчества.

С одной стороны, в современном обществе резко повысился темп изменений, что привело к быстрому росту разнообразия идентичностей. С другой стороны, индивидуальное самовыражение ограничено социальным давлением, заставляющим людей следовать определенным нормам. Кроме того, бурное развитие цифровых технологий и социальных медиа создает новые формы взаимодействия и самоутверждения. В любом обществе перед человеком стоит эзистенциальный выбор между подчинением давлению среды и противодействием ему. В современном обществе этот выбор многократно осложняется гигантским разнообразием внешних воздействий.

Еще у Аристотеля можно найти размышления на тему связи автономии человека с его желанием принадлежать к какому-то социальному слою. На рубеже XIX–XX вв. тема конформизма привлекла к себе внимание ряда европейских мыслителей. Конформизм рассматривался в качестве феномена больших социальных групп (Г. Лебон, Г. Тард, Н.К. Михайловский и др.), как закономерный результат давления общества (И. Хейзинга, Д. Рисмен, А. Печчеи, А. Тэшфел, С.Э. Крапивенский), а также как результат субъективной способности к приспособлению, т.е. конформности (в работах З. Фрейда, Г. Юнга). В 50-е гг. XX века исследователи стали изучать условия и психологические механизмы конформизма в научных лабораториях. Один из классических примеров таких исследований – эксперименты С. Аша. Они показали, что большинство испытуемых склонны корректировать свой ответ под давлением группы, даже когда испытуемым известно, что группа ошибается [7].

Это явление обычно объясняется тем, что человек испытывает потребность в признании окружающих и порой нуждается в ощущении связи с другими людьми. Конформизм предстает как амбивалентный, противоречивый феномен, т.к. кроме очевидных деструктивных последствий для личности и ее внутренней свободы, он имеет и определенные позитивные стороны. Например, конформизм упрощает процесс социализации, способствует сплочению коллектива и объединению людей. Склонность к конформизму зачастую зависит от личностных качеств человека, его осведомленности, а также от культурных особенностей конкретного общества.

Во многих исследованиях проводится мысль о том, что в западном обществе, в котором ценится индивидуализм и частная инициатива, конформизм встречается реже и чаще порицается, в отличие от восточных культур, где «конформное поведение индивида показывает его тактичность, стремление к компромиссу в отношениях» [7]. Кроме того, согласно распространенному мнению, конформизм превалирует в жестких политических

системах. К примеру, «основу фашистского общества составляли не столько фанатики, сколько конформисты, попавшие в зону влияния харизматических лидеров, манипуляторов и фанатиков» [8]. Но означает ли это, что западная культура и либеральные ценности являются своего рода «прививкой» от конформизма и его негативных последствий?

Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть, какие виды или формы конформизма выделяют исследователи. Так, большинство источников сходится во мнении, что конформизм может быть внутренним и внешним, пассивным или активным. Внешний конформизм предполагает наличие очевидного давления на индивида, которому навязывается конкретная точка зрения, но при этом его собственные ценностные ориентиры и взгляды остаются неизменными. Внутренний конформизм же возникает в том случае, когда человек не осознает внешнего давления, которое на него оказывается, и добровольно меняет свои моральные установки и жизненные принципы. Представляется допустимым отождествить такой внутренний конформизм с неосознанным, интуитивным конформизмом. Именно на это указывал Э. Фромм, отмечая, что современный человек пребывает в иллюзии «будто он знает, чего хочет; тогда как на самом деле он хочет того, чего должен хотеть в соответствии с общепринятым шаблоном» [5, с. 256]. По признаку мотивации конформизм можно разделить на два типа: активный (добровольный) и пассивный (принудительный). Активный конформизм направлен на самоутверждение за счет принятия той точки зрения, которая представляется наиболее выгодной в данный момент времени, тогда как пассивный конформизм подразумевает, что личность находится под значительным воздействием окружающих, что приводит к блокировке ее собственных устремлений и ценностей [9].

Можно предположить, что в рамках традиционной восточной культуры, как и в условиях так называемых авторитарных режимов, преобладает именно внешний, пассивный конформизм. Традиции или политические институты оказывают определенное давление на личность, вынуждая её демонстрировать конформное поведение. Человек усваивает такие паттерны, которые позволяют ему не выделяться из общей массы. Это обеспечивает ему безопасность и/или принятие со стороны окружающих. Именно такой вариант конформизма активно осуждается в западной культуре. Однако внутренний конформизм присущ любому обществу – как восточному, так и западному – и представляет собой всеобщее явление. Более того, внутренний конформизм становится серьезной проблемой для человека, испытывающего потребность в позитивной свободе, и это явление особенно характерно именно для «классических» демократических режимов.

Представители франкфуртской школы обратили внимание на то, как влияют на человека изменения, происходившие в капиталистическом

обществе XX века. В условиях урбанизации и преобладания массовой культуры человек постепенно теряет свою индивидуальность и ощущение собственной значимости, а бесконечный поток новостей и рекламы не оставляет ему времени на осмысление того, что действительно важно. Шумные города с их суетой и вечной спешкой, множество товаров и развлечений подавляют человека и вызывают чувство потерянности: «Индивид противостоит не зависящим от него огромным величинам, ощущая себя песчинкой в сравнении с ними. Все, что он может, – это "пойти в ногу", как марширующий солдат или рабочий у конвейерной ленты. Он может действовать, но чувство независимости и собственной значимости он потерял» [5, с. 142].

Анализируя социальные корни внутреннего конформизма, мыслители XX века указывали на различные факторы. Так, А. Грамши, развивая идеи К. Маркса, утверждал, что конформизм может быть результатом культурной гегемонии, при которой доминирующий класс неизбежно навязывает свои идеалы и ценности остальному обществу [10]. Подавляющее большинство людей бессознательно принимает их как естественные и единственно верные. Г. Маркузе говорил о том, что СМИ и культура массового потребления формируют у людей определенные привычки и мышление, лишаю их способности критически воспринимать действительность и подавляя их свободу [11].

Э. Фромм считал, что индивидуализм, ассоциирующийся в буржуазном обществе с негативной свободой, порождает у индивида неосознанное чувство изолированности и бессилия. Такая свобода сулит одиночество и обрачиваются тяжким бременем. Другим важным фактором отказа человека от критического мышления и собственного «я» является разрушение целостной картины мира, спровоцированное бурным развитием СМИ и общим ускорением социального времени. «Индивид чувствует себя безнадежно увязшим в хаотической массе фактов и с трогательным терпением ждет, чтобы "специалисты" решили, что ему делать» [5, с. 254].

А. Грамши, Г. Маркузе и Э. Фромм единны во мнении о том, что эксплуатация и отчуждение в капитализме усугубляют ситуацию, явно не способствуя обретению человеком самого себя. В таких условиях гораздо легче отождествить себя с определенной социальной группой, перенять ее основные ценностные ориентиры и поведенческие шаблоны, нежели отстаивать собственную индивидуальность. Люди из низших классов, не желая признавать реальное положение дел, могут отождествлять себя с представителями высших классов, разделив их ценности и идеалы. Однако «если рабочий и его босс наслаждаются одной и той же телепрограммой и посещают одни и те же курорты, <...> то это уподобление оказывает не на исчезновение классов, но на то, насколько основное население усваивает потребности и способы их удовлетворения, служащие сохранению Истэблишмента» [11, с. 11].

Постмодернизм ведет к усилению всех этих тенденций. Культура постмодерна – это бунт против прошлого, против модернизма, против классической рациональности. Ф. Джеймисон выделяет такие характеристики современной эпохи, как критика эссенциализма и отказ от истины, которая теперь рассматривается как «устаревшая часть метафизического багажа» [12, с.102]. Он подчеркивает, что традиционные понятия, такие как страх и отчуждение, становятся неактуальными в постмодернистском дискурсе. Вместо отчуждения субъекта мы наблюдаем его фрагментацию, что делает невозможным восприятие субъекта как онтологической целостности [12].

Кажется, будто все эти перемены были предсказаны еще в середине XX века, что, впрочем, не должно нас удивлять. На практике грань между модерном и постмодерном очень нелегко уловить, ибо одно перетекает в другое незаметно. В вопросе о сущности постмодернизма следует, скорее, согласиться с Ф. Джеймисоном, который писал, что общество постмодерна не утверждает абсолютно новую социальную систему, а лишь является отражением «еще одной системной модификации самого капитализма» [12, с. 63]. Поэтому те противоречия, особенности и недостатки капиталистической системы, что порождали внутренний конформизм, не исчерпали себя и в наши дни, которые принято считать временем торжества постмодернизма.

Может показаться, что постмодерн с присущим ему цинизмом, плюрализмом мнений и неприятием иерархической структуры ценностей – это торжество свободы и нонконформизма. Однако нонконформизм с его неприятием общепринятых норм и установлений сам по себе не является выражением свободы личности, ибо может носить характер анархического бунта. Такой бунт является по существу извращенной формой конформизма, ибо не несет в себе никакого позитивного содержания. Носители анархического сознания не воспринимаются властвующей элитой как серьезная угроза, поскольку у них нет и не может быть альтернативной программы и по этой причине они представляют собой толпу одиночек, которые легко могут быть подавлены репрессивной машиной демократического государства.

Прежде чем рассмотреть данные тезисы, следует сделать важное примечание. Далее будет проанализирован феномен конформизма в обществе постмодерна, но не в категориях постмодернистского дискурса, в котором сами понятия конформности или нонконформизма размываются и рассматриваются «скорее в качестве иллюзий согласия или несогласия, в качестве временных диспозиций» [13]. При этом возможная причина подобной интерпретации будет рассмотрена далее.

Нонконформизм традиционно противопоставляется конформизму. Весьма популярно мнение, будто нонконформизм проявляется через антисоциальное поведение. В подобной коннотации нонконформизм имеет

отношение не к свободе, а к произволу, который следует от свободы отличать. Согласно альтернативной точке зрения на нонконформизм, его значение, наоборот, связано с желанием утвердить новое, а не разрушить старое. В условиях современного капитализма нонконформизм выступает, таким образом, в качестве «метафизического восстания против общества потребления» и утверждает свободу и осознанный выбор [14]. Следовательно, если нонконформизм несет в себе один лишь протест против существующего несправедливого порядка, против пороков господствующей социально-экономической и политической системы, то он представляется определенным шагом к негативной свободе, т.е. к свободе «от», хотя в зависимости от конкретного содержания выбора может утверждать не свободу, а, как в случае анархизма, произвол. Если же в нонконформистской позиции содержится альтернативная программа социальных преобразований (или хотя бы идеи, позволяющие ее выстроить), то подобную позицию можно рассматривать как шаг на пути к позитивной свободе.

Однако в условиях постмодернистского общества такой подход к нонконформизму теряет свой первоначальный смысл. Проблема заключается в том, что «в либерально-демократических режимах не всегда можно сразу четко обозначить тип социального поведения: конформизм это или нонконформизм. Современное общество – общество постмодерна еще более запутывает проблему, подчас стирая грани демаркации» [15]. Нонконформизм, который в своем социальном аспекте в определенном смысле тождествен с контркультурой, может быть «продан» и интегрирован в массовую культуру. Такой процесс коммодификации приводит к тому, что идеи и символы контркультуры утрачивают свое первоначальное значение. Для тех, кто обеспокоен состоянием окружающей среды, есть масса товаров с приставкой «эко»; для тех, кто критикует общество массового потребления – тренд на минимализм и «осознанное» потребление. Политический протест можно выразить, купив футбольку с портретом вождя революции или сходив на концерт группы, тексты песен которой обличают капитализм. Такой симулятивный нонконформизм не является той формой сопротивления, ставящей под сомнение существующие нормы и ценности, о которой когда-то мечтал Г. Маркузе.

Все это согласуется с идеями Ги Дебора и Жана Бодрийяра. В условиях современного общества индивиду нелегко отличить симулятивную, виртуальную реальность, сконструированную рекламой, социальными платформами и онлайн-сообществами, от реальности подлинной: «в позднекапиталистическом потребительском обществе "реальная социальная жизнь" сама так или иначе приобретает черты инсценированной подделки, в которой соседи из нашей "реальной" жизни ведут себя, подобно актерам и статистам...» [16, с. 22]. В этих условиях человек воспринимает не только

окружающих, но и самого себя как набор социальных ролей и статусов. Потребление начинает казаться самой главной сферой самореализации человека, и возникает иллюзия, будто набор потребляемых человеком товаров и услуг выражает сущность конкретной личности. В итоге индивид теряет самого себя, в определенном смысле происходит «фрагментация» субъекта, на которую указывал Ф. Джеймисон и другие авторы.

Данное обстоятельство может приводить к демонстративному нонконформизму, который на самом деле маскирует внутреннюю неуверенность и склонность к конформизму. Это, в свою очередь, усиливает разрыв между негативной и позитивной свободой. Ведь основное различие между ними заключается в разном понимании сущности человека. Негативные концепции, в рамках которых свобода понимается как возможность, всегда ориентированы на индивидуальное, единичное, вследствие чего в них упускается из виду универсальность человеческой природы. Демонстративный нонконформизм, навязанный культурой постмодерна и культом уникальности, лишь подчеркивает внутреннюю несвободу субъекта, зачастую вынужденного симулировать свою индивидуальность, чтобы соответствовать ожиданиям общества.

Как справедливо подчеркивает Дж. Ваттимо, постмодернистская культура тесно связана с бурным развитием медиа, которое приводит к тотальному плюрализму: объективного описания мира больше не существует; вместо этого имеется множество субъективных точек зрения [17]. И если в обществе модерна человек «с трогательным терпением ждет, чтобы специалисты решили, что ему делать» [5, с. 254], то в обществе постмодерна каждый пользователь интернета может стать таким "специалистом". Данное обстоятельство отнюдь не способствует преодолению конформизма и обретению свободы, а, напротив, еще больше усиливает растерянность индивида. Гигантское обилие вариантов выбора (товаров и, точек зрения и ценностных ориентиров) в рамках капиталистической системы на самом деле приводит к ощущению отсутствия свободы.

Таким образом, в условиях капиталистического общества свобода декларируется как основополагающая ценность, однако в эпоху постмодерна свобода превращается в фикцию. Давление внешних обстоятельств, в том числе и медиасреды, лишает человека реальной возможности выбора, заставляя его идти по накатанной колее, становиться конформистом. В обществе постмодерна человеку предлагается иллюзорный способ обретения свободы через популяризацию демонстративного нонконформизма, который на деле является замаскированным конформизмом. Гигантское разнообразие товаров и услуг и фрагментация медиапространства порождают растерянность индивида и затрудняют возможность осознанного выбора. Происходит своего рода коммерциализация свободы и персональной

идентичности, когда даже индивидуальный выбор, сделанный человеком самостоятельно, становится своего рода товаром. Это приводит к иллюзии свободы, в то время как на самом деле человек оказывается под влиянием рыночных механизмов.

Таким образом, современный человек, стремясь к самовыражению, может оказаться в ловушке конформизма. В обществе постмодерна все то, что должно освобождать человека, лишь вызывает чувство подавленности и одиночества и, в конечном счете, порабощает его. Протест против существующего порядка зачастую оборачивается новым культурным или политическим трендом и встраивается в существующую систему. В таких условиях внутренний конформизм, прикрытый симулятивным, внешним нон-конформизмом, порой оказывается единственным доступным способом приспособиться к реальности.

Список литературы

1. Арон Р. Эссе о свободах//Пер. с франц. Н. А. Руткевич. – М.: Практис. 2005. – 208 с.
2. Гоббс Т. Левиафан / Т. Гоббс; пер. с англ. А. Гутермана; вступ. ст. А. Филиппова. – М.: РИПОЛ классик, 2017. – 608 с.
3. Берлин И. Две концепции свободы / И. Берлин // Современный либерализм. – М.: 1998. С. 19–43.
4. Тэйлор Ч. Что не так с негативной свободой? / Ч. Тэйлор // Логос. 2013. № 2(92). С. 187–207.
5. Фромм, Э. Бегство от свободы. Человек для себя / Э. Фромм; пер. с англ. – М.: АСТ. 2006. – 571 с.
6. Быченков, В. М. Конформизм // Новая философская энциклопедия. – URL: <https://iphras.ru/elib/1507.html>
7. Озерова А. В. Конформизм и конформность как социально-психологические категории / А.В. Озерова // Территория науки. 2017. № 1. С. 68 – 74.
8. Ким В. В. Конформизм и нонконформизм как механизмы производства и воспроизводства фанатизма в обществе / В. В. Ким // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2014. № 4. С. 83 – 99.
9. Рудых Л. Г. Философы о конформизме / Л. Г. Рудых // Молодежный вестник ИрГТУ. 2022. Т. 12, № 1. С. 91 – 95.
10. Грамши А. Искусство и политика: Т. 1. – М.: Искусство, 1991. – 432 с.
11. Маркузе Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. – М.: REFL-book, 1994. – 368 с.
12. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Олейникова. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. – 808 с.
13. Андрамонов Д. К. Проблема социальной конформности в постмодернистской социологии // Дискуссия. 2016. № 3 (66).
14. Хавкин Г. Л. Нонконформизм в потребительском обществе: сущностные основы и значение // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2007. № 2. С. 192 – 197.
15. Андрамонов Д. К. Конформизм и нонконформизм в различных социально-политических контекстах: к анализу проблемы // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2015. № 3 (15). С. 35 – 40.
16. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального / Пер. с англ. Артема Смирного. – М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. – 160 с.
17. Ваттимо Дж. Прозрачное общество. Пер. с ит./Перевод Дм. Новикова. – М.: Логос, 2002. – 128 с.

FREEDOM AND CONFORMISM IN POSTMODERN SOCIETY

Christina V. Vorobeva

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

Freedom in bourgeois society is often understood as a "negative" freedom "from", as a "possibility". It should be distinguished from a positively understood freedom as freedom "for", which can be expressed through the concept of "realization" of C. Taylor. In the capitalist system, "negative" freedom turns into internal conformism, which becomes a significant obstacle to the implementation of "positive" freedom. The article analyzes various social causes of conformism, emphasizes the connection between the contradictions of capitalism and the conformist behavior of the individual. It is shown that with the advent of the postmodern era, these tendencies are intensifying, which leads to demonstrative nonconformism, behind which confusion and internal conformism are hidden. This circumstance further increases the existing gap between "negative" and "positive" freedom.

Key words: conformism, nonconformism, negative freedom, positive freedom, postmodern society